

Мамочки
ONLINE

ЕВА ЧЕРНАЯ

МОИ
НЕПУТЁВЫЕ
ПУТЕВЫЕ
ЗАМЕТКИ

ТОП-АВТОР «САМИЗДАТА»

Мамочки online

Ева Черная

Мои непутёвые путевые заметки

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Черная Е.

Мои непутёвые путевые заметки / Е. Черная — «Издательство АСТ», 2017 — (Мамочки online)

ISBN 978-5-17-101678-4

Жизнь у Мамаы бьет ключом. Чаще всего гаечным и в основном по голове, но... Унывать особо ей не приходится. А на любые события можно взглянуть и с другой, юморной, стороны. События в жизни пролетают со световой скоростью. Вот Мама и решила составить свои непутёвые заметки. На мемуары она, конечно, не замахивалась – так, ма-а-аленькие мемуарчики потомкам. Опять же компроматом на подрастающих детей всегда можно воспользоваться в развлечении будущих внуков. В общем, обычная жизнь в обычном городе обычной семьи... взглядом Мамаы.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101678-4

© Черная Е., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Из прошедшего	6
Из учебного	8
Из утреннего-приветственного	9
Из школьного	10
Из деньрожденного	12
Из туристического-гостевого	14
Из очевидного-невероятного	16
Из призывного	17
Из дежавюшного	18
Из фантастического	19
Из почтового	20
Из кровавого	21
Из базарно-предпраздничного	22
Из прогрессивного	23
Из застольного	25
Из экстремального	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ева Черная

Мои непутёвые путевые заметки

© Черная Ева

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*С большой благодарностью ко всей Маминой большой семье от
всего ее любящего сердца.*

За «безвозмездно» подаренные минуты счастья, смеха и радости.

Потому что она, семья, есть и именно такая.

Живая, противоречивая, вредная, забавная...

Жизнеутверждающая такая, самая обычная – правильная.

Из прошедшего

Когда Мамино семейство только сюда приехало, отгремела очередная война и дальний родственник мужа, живший как раз на севере страны, где и был конфликт, делился своими впечатлениями.

Больше всего Маме тогда запомнился его рассказ о том, как сирена службы тыла застала его в ванной и бедный мужик, прикрытый местами только мыльной пеной, вылетел на лестничную клетку (в некоторых домах бомбоубежища были оборудованы именно там), где уже были его соседи.

По дороге, естественно, по закону подлости грохнулся и набил себе здоровенный синяк на бедре (хорошо хоть ничего не сломал).

Так вот, когда начали в этот раз обстреливать Мамин городок, у Мамы прямо-таки пунктик появился по поводу ванной (для нее, с ее-то занятостью, сломать себе что-то, выскакивая и поскользнувшись, был бы «ой, какой караул!», а если еще и сломать одну из четырех конечностей, «караул» вдвойне!

Сломать себе шею и то Маму так не пугало (после этого ее вообще что-либо пугало бы), потому душ принимала она обычно быстро и оперативно, утешая себя тем, что все же и от этого есть польза – экономия воды как-никак.

Но, сами понимаете, закон подлости – наше все.

Как раз под самый конец всей этой заварушки с бомбежками все и случилось.

Оно самое, душ и сирена.

Ну что вам сказать? Мама вынесла и из этого урок.

Вывод первый – никогда в период обстрелов не закрывайте двери ванной на ключ/щеколду/ загнутые гвоздики – реально мешает скоростному вылету. Мокрые пальцы становятся во время спешки до ужаса неуклюжими, а ключ/ щеколда/ загнутый гвоздик (нужное подчеркнуть) совершенно неповоротливыми.

Еле успев захватить пару полотенец и на ходу в них заматываясь кое-как, Мама мокрой курицей с разъезжающимися ногами в таких же мокрых тапочках (почему-то казалось, что с босыми мокрыми ногами добираться будет намного хуже) поскакала в детскую, которая в ее жилище находилась в комнате-бомбоубежище.

Вывод второй – в мокрых тапочках скользишь по плитке сильнее, чем босыми ногами.

Босой и с нестриженными ногтями (теоретически) вы возможно еще сможете за что-то зацепиться и затормозить (по примеру альпинистских «кошек»), а вот резиновые сланцы вам такого выбора не оставляют.

В общем, угроза «упасть, потерять сознание, очнуться – гипс» превращалась из призрачной в реальную.

И вот когда бронированная ставня со всем ее тархтением и скрежетом задвинута (на фиг Маме гантели, она тут и так железо таскает!), окно наглухо задраено, бронированная же дверь закрыта и заблокирована поднятой вверх ручкой, Мама поняла – с нее капает, противно так, холодно и уже успело собраться в целую лужу.

Вывод третий – держите всегда под рукой длинный банный халат с капюшоном. А лучше несколько (запас лишним не бывает). Полотенца, даже во множественном числе, вам в таких ситуациях не помощники.

* * *

В тот раз, слава Всевышнему, все обошлось.

Радовало Маму, что дети не проснулись и не лицезрели ее во всей капающей красе.

Выводы из произошедшего извлечены. Подробная инструкция или, проще говоря, памятка – составлена...

И Мама таки, несмотря на все ее старания самоубиться, осталась жива и во всех местах здоровая.

Из учебного

Заканчивает Мама со Средним учить дома русский словарь.

Дошли до буквы «щ».

Мама говорит: «Читай «шчу».

Средненький старательно складывает губы трубочкой.

Разминает.

Опять тянет их куриной гузкой.

Потом задумчиво косится на книжку и наконец-то выдает: «Шу-у-у-чу».

Посмотрели они друг на друга – губы сами растягиваются в улыбке.

Маму окончательно разбирает смех:

– «Шучу» – это, конечно, хорошо, но (!). Шутки шутками, а повторить придется.

Средний уже и сам заливисто хохочет:

– Я же не виноват, что в иврите такой буквы нет.

– Ее много где нет, – ворчит, пытаясь выглядеть серьезно, Мама.

Так она и появилась буква под названием «шу-чу».

Из утреннего-приветственного

Рано утром.

Провела Мама своих младших до школы.

Стоит возле перехода, ждет, когда, повернувшая с круга на перекрестке, проедет машина.

Она таки подъезжает – оказывается, такси.

Спереди, из пассажирского окна, наполовину вываливается совершенно незнакомый марокканец:

– Женщина, ты знаешь, что у моего сына сегодня день рождения?!

Следующие несколько секунда она судорожно пытается вспомнить – знакомы они с этим индивидом или нет? Причем вопроса по поводу самой фразы даже не возникает.

В то же время на заднем сиденье замечает любопытно торчащие большущие черные глаза, смуглый лоб и темную кудрявую макушку пятилетнего мальчишки.

– Нет, – и замирает, пытаясь предугадать, что будет дальше.

– Ну-у-у, – с требовательной интонацией выдает слегка возмущенный отец, – ты почему не говоришь «мазаль тов»?!

От возмущенной требовательности папаши губы сами собой расплзаются в улыбке:

– Мазаль тов, – поворачивается к заднему окну Мама, понимая, что этот день так и будет продолжать улыбаться. Просто так.

Тем временем в ответ из этого самого окна такая счастливая улыбка засияла, как будто Мама этому ребенку луну подарила.

Из школьного

Чем родительское собрание отличается от детско-школьного представления для родителей? Отсутствием музыки и детей. Ну, почти.

Груднички в колясках, слингах, автокреслах и прочее были представлены в ассортименте.

Музыка тоже отчасти присутствовала – то у одного родителя, то у другого мелодично звонил телефон и в очередной раз голосом старшего ребенка, на которого был оставлен весь остальной кагал, выяснял каждый раз новый, срочно важный вопрос.

А остальное...

Француженки бонжурят, англоязычные омайгадят, сабры (коренные израильтяне) и остальные мэдабэрят.

И только Мама с еще одной теткой, единственные русскоговорящие на всю школу, сначала со всеми помэдабэрили, а потом уселись рядышком и начали перемывать косточки, но уже на русском.

Кто с коляской уже пришел.

У кого неожиданно за два месяца живот вырос.

В общем, базар.

Через полчаса руководство школы решило, что дали достаточно времени для обсуждения последних новостей (наивные) мамам (дисциплинированные папы, тихо перешептываясь, молчливо замирали при каждом резком звуке), и попытались навести порядок.

Директор прыгает.

Учителя за ним в унисон подскакивают.

В общем, тоже своего рода концерт.

Еще через пятнадцать минут им таки это удалось.

Нет, не концерт – утомонить не видевшихся долгое время родительниц.

Сорок минут общешкольного собрания прошло, как одна минута.

Мама уже на низком старте в уме рассчитывала, в какой из двух младших классов ей стоит сначала ломануться для «а пообщаться» с классным руководителем...

На самих классных собраниях тоже было весело.

Мама только и успевала строчить за преподами в блокнотике, стараясь не пропустить ни одного перла из серии: «Не давайте ребенку в школу бутылку с замороженной водой, потому что потом весь класс вместо того, чтобы слушать урок, наблюдает, как ваш ребенок делает массаж бутылке, пытаясь добыть оттуда хоть каплю оттаявшей жидкости...»

Мамина тактика прилежной ученицы была выбрана верно, и уже через еще час, проскакав тихой рысью по первому и второму классам, с пачкой собранных бумажек со всей нужной и околонужной информацией выползала за ворота.

Оттуда закрепив над головой нимб для освещения, отрастив крылья и вставив в зад пропеллер для ускорения, Мама полетела на другой конец города в школу к Старшенькому.

С просчетом времени в этот раз вышла ошибочка.

Директор его школы еще не закончил вводить родителей своей речью в гипнотический транс на общешкольном собрании, и Маме пришлось, как и многим другим предкам, придерживать пальцами веки, чтобы не поддаваться соблазну слегка всхрапнуть на галерке.

Встреча с родителями и классным руководителем Старшенького проходила уже в фоновом режиме.

То есть Мама вроде здесь и не здесь одновременно. Работа и предыдущие сборища родителей младших классов сделали свое грязное дело, оставив механически работающую телесную оболочку для сбора еще одной порции бумажек-списков и совершенно отключив сознание.

Энергии для нимба, крыльев и пропеллера на обратный путь не хватило.

Ползти пришлось медленно и лениво.

Дома, чисто из вредности и для поднятия боевого духа, Мама совершила диверсию по отношению к своему организму и сделала себе очень бесполезный, но компромиссный со своей совестью бутерброд с диетическим хлебцом из воздушного риса и недиетическим сгущенным молоком.

Который покупала для детей, но ест пока почему-то она сама.

Из деньрожденного

Средний и Младший старательно дорисовывают Старшему «подарок» (есть у них такая традиция – на день рождения всем младшие члены семейства в подарок дарят рисунки и другие поделки, сделанные своими руками).

Во-о-от, значит, рисуют, перечисляют по очереди, у кого, когда будет следующий день рождения.

Посчитали Старшенького.

Потом Папу.

После этого дошли и до Мама.

Тут Средний задумался, притих и ломанулся к входной железной двери, на которой у них все это рисунчатое великолепие висит, прибитое магнитиками.

Достал рисунок, который он Мама сделал на День рождения в позапрошлый раз, и потащил обратно к карандашам и фломастерам, что на столе.

Рисунок действительно чудесный.

Весь в шариках, бантиках и с шикарным разноцветным тортом (мама тортов таких ядовитых цветов в жизни не видела), на котором нарисованы зажженные свечи в виде циферок – очередной Маминой даты (единственное, что Мама в этом рисунке немного огорчало, как и любую женщину, – напоминание о ее возрасте).

В прошлом году Мама уже получила повторно, так понравившийся ей до этого, шедевр изобразительного искусства.

С затертой старой и нарисованной новой последней циферкой.

Когда Средний опять начал стирать в дате «37» семерку и малевать на ее месте уже восьмерку, Мама опешила.

На животрепещущий вопрос: «А зачем?»

Получила такой же лаконичный ответ: «А вдруг забуду».

Ну да, до марта от сентября еще куча времени, конечно, можно забыть перерисовать цифру в мамином любимом рисунке.

А циферки, даже если они свечи на праздничном торте, точность любят.

Мама по профессии бухгалтер, Мама знает.

«И все равно, – упрямо подумала мама, – мне еще только тридцать семь с хвостиком».

* * *

Средний Младшенькому:

– Надо, чтобы он (Старший) взял кого-то из нас на руки – мы ему глаза закроем, пока он будет подходить к торту и задувать свечки.

Младший мечтательно:

– Да-а-а, а вот если бы был еще и папа дома, он бы его (опять же Старшенького) на руки поднял и самого принес свечи задувать.

Старший пытается на доступном им, младшим, уровне опровергнуть заблуждения Младшенького:

– Не, папа меня уже на руки не подымет – я уже большой, а папа старенький.

Мама, слушающая весь этот диалог, подавилась – папе, на минуточку так, сорок два всего лишь.

Пытаясь не заржать, а только похихикать, добавила:

– Папа, конечно, тебя не подымет, у тебя ноги по полу все равно будут волочиться, только про старость ему лучше не говори...

Заметив недоуменный взгляд, пояснила:

– Когда тебе, с Божьей помощью, стукнет глубоко за тридцать – сам поймешь.

Ну и кто из них после этого взрослый?

Дети, как есть дети.

Из туристического-гостевого

Иногда Просто-Маме казалось, что ей с Папиной мамой повезло больше, чем с самим Папой.

Уже полчаса обсуждался вопрос, куда повезти Папину маму и что ей показать.

Папа хотел в Массаду.

Там и горы, разрушенная крепость и торговый комплекс внизу с кафе и магазинчиками для туристов.

Мама пыталась Папе объяснить, что у его мамы уже не тот возраст для гор.

И лучше всего отвезти в Золотой Город к Стене Плача, потом и побродить по старым улочкам можно.

Сами улочки с их бесконечными ступеньками вверх-вниз тоже могли сойти за какие-нибудь горы для особо жаждущих пожилых экстремалов.

Папина мама, по незнанию местности, просто молчала и ожидала вердикта.

Папа своего добился, и вся семья поехала в Массаду.

Проблемы начались еще на подходе.

Стоило только Папиной маме увидеть единственных два пути, по которым можно было подняться в крепость.

Первый – «козья тропа», с теми же непрерывными очень крутыми щербатыми ступеньками, по которой если начнешь взбираться ранним утром, то хорошо, если к обеду доберешься до места.

Второй не лучше – скользящие кабинки по канатной дороге на такой высоте, что даже у Просто-Мамы вызвали предательские мысли на тему: «А не посидеть ли мне тут – природой полюбоваться».

Что уж говорить о Папиной маме.

Выражение ее лица настойчиво говорило, что все мамы одинаковы и направление мыслей у них работает в одном и том же направлении.

О чем и высказалась собственному бородатому сыночку в пока еще культурных выражениях.

Сыночек, то есть Папа, не внял и начал бомбить свою маму обещаниями неземного рая наверху. Так в горах, на руинах древней крепости.

В общем, когда пришел фуникулер, – под шум толпы Папину маму практически внесли под локотки в качающуюся кабинку собравшаяся кучка новых посетителей.

Где она вцепилась сразу в два поручня и устоялась на Просто-Маму.

Просто-Мама тоже немного тряслась, но искренне пыталась себя уверить, что это всего лишь пол качается.

Кабинка тронулась.

Папина мама принялась буравить взглядом простомамин лоб, в душе наверняка не раз поминая «добрым» словом инициативного сыночка.

Дети и Папа прилипли к окнам. Причем сделали это с таким напором, что показалось, будто кабинка как-то опасно накренилась. Хотя это, возможно, были уже галлюцинации, навеянные страхом.

А Просто-Мама надеялась, что дырки в ее лбу в точке «бурения» все же не будет.

Не передать словами, какой вздох облегчения вырвался у Папиной мамы по прибытию наверх.

Хотя мысль о том, что возвращаться надо будет тем же путем, немного ее радость омрачала.

Но тут уж выбирать не приходилось.

Два часа брожения по развалинам за группой туристов из Польши, которым экскурсовод вещал про «добже», «вогнем» и прочее.

Постоянно летящие в ее сторону фразы «а сфоткай меня еще здесь»...

И голова крутящаяся, как перископ у подлодки, на все 360 градусов с приглядом за детьми (на Папу надежды мало, за ним самим присмотреть не мешало бы)...

Просто-Маму доби́ли окончательно.

Потому пофигистическое отношение ко всему на обратном пути не могло ничто испортить.

Ни раскачивающаяся кабинка от топота особо непоседливых туристов.

Ни Папина мама, решившая в этот раз сделать дырку в Просто-маминой груди.

Ни Папа, которого хотелось придушить еще сильнее, чем после поездки на Мертвое море.

Просто-Маме еще пришлось в ускоренном темпе прошвырнуться с Папиной мамой по всем сувениркам.

Скупить памятные подарки всем родственникам до седьмого колена... «и дяде Вове тоже».

Приготовить материальное подтверждение посещения памятных мест в виде брошюр, диска с фотографиями и карт с экскурсионными путями для Папиного папы.

Заскочить в косметический магазин и поработать переводчиком во время выбора кремов, мазей и солей с минералами Мертвого моря.

В общем, день для Просто-Мамы закончился позднее, чем ожидалось.

Причем значительно.

Из очевидного-невероятного

Купила Мама в начале лета юбку.

И забыла совершенно, вспомнив лишь недавно, когда наткнулась на нее случайно.

Юбка оказалась подозрительно большой и так и норовила слететь с Мама вниз.

Всем своим видом, можно сказать, существованием пытаюсь доказать, что Мама таки похудела.

Мама же в растерянности смотрела на весы, которые в последнее время пытаются ее убедить в совершенно обратном.

Весы электронные, блестяще-стеклянные и, судя по инструкциям, оченно-сильно умные.

И кому после этого верить?

Загадка.

Из призывного

Год назад...

Приходит Старшенький домой, с таким выражением на лице – ну, рай просто.

И с воплями: «Наконец-то, наконец-то...»

На Мамин вопрос: «Что случилось?» – ответа она так и не дождалась.

Чес слово, грешным делом подумала, ребяенок выиграл мультон.

Оказалось, все еще круче (по его скромному мнению)...

Ему пришел тоар ришон по почте (повестка из военкомата на медкомиссию).

Все как полагается – с билетами на автобус в обе стороны, анкетами и рекламкой, в какие части и на каких условиях можно попасть.

Если бы Мама рассказала где-то на постсоветском пространстве, что подросток от радости до потолка чуть не прыгал, когда повестку в военкомат получил, то ее собеседники бы только пальцем у виска покрутили.

К слову сказать, Старшенький даже одно время очень переживал, что ему повестка все никак не приходит.

Все его друзья в классе уже получили, а он еще нет. Печаль, однако.

Из дежавюшного

Вечером залетает домой Старшенький с таким же выражением лица, как и неделю назад, когда получил повестку.

Радостный такой, возбужденный, глазки горят, в общем, заинтриговал.

Опять.

Залетел и кричит: «Мама, танцуй – тебе письмо».

Сначала Мама в тайной надежде подумала: «Может, это все-таки я выиграла мультон».

Потом увидела знакомую символику на конверте в виде меча и оливковой ветви и вообще впала в проstration: «Теперь меня в армию призывают?»

Короче, пришлось-таки танцевать, после чего ребяёнок торжественно вручил Маме письмо, адресованное родителям такого-то, то есть Старшенького.

Пока открывала, подумала: «Точно мне тоже повестка в военкомат пришла».

Оказалось, нет.

ЦАХАЛ (Армия Оборона Израиля) уведомляла Маму о том, что деть получил повестку в военкомат.

Маму сильно просили не препятствовать его службе в армии и давали адрес сайта и номер телефона, где она сможет узнать все об армии и выяснить интересующие ее вопросы по поводу прохождения службы.

В общем, они Маму соблазнили, и она таки полезла на этот сайт.

А там таки-и-е мужчины...

Хорошо, что муж улетел в очередную свою командировку еще за день до этого, утром, и не видел, как Мама получала чисто эстетическое удовольствие, рассматривая чернявых, смуглых, мускулистых парней в форме.

Из фантастического

Иногда Мама себя чувствовала устаревшим, еще первого поколения, киборгом.

Ну, реально!

Всю неделю она носилась, крутилась, выматывалась.

Получала кучу нужной (а чаще совершенно не нужной) информации и всю ее перерабатывала, сортировала и усваивала.

В общем, пахала.

И к концу недели организм, чувствуя близость отдыха и усиленной дозаправки питанием, начинал сбоить.

То головной процессор глючило.

И тогда в голове все мешалось: бутерброды в школу пытались сойтись с дебетом, а рецепт предновогодних печеных яблок смешаться с ценой «PSP VITA» (последней подарочной мечтой Средненького и Младшенького).

То нано-импланты тормозили.

И в тот же миг мышца на шее при растяжке неправильно тянулась, начинал ныть зуб, стреляло ухо и побаливали все кости по очереди, а то и вместе – разве что хвост не отваливался.

И то только ввиду своего, хвоста, полного отсутствия.

А то и вообще, все скрипело, как несмазанные шарниры.

Видимо, титановые суставы не такая уж и хорошая идея.

Так что...

Ощущения полной развалины были представлены в полной мере.

А потом...

Наступала Она, Суббота.

Полноценный сон.

Вкусная еда.

Смех и игры с детьми, иногда переходящие в настоящие баталии с применением подушек и прочих подручных средств.

И усиленные учения языков, посредством чтения, со всеми оболтусами, вместе взятыми...

И уже через сутки...

Подзаряженный, сбросивший ненужный, скопившийся за прошедшую неделю груз, молодящийся, десятого, самого последнего, поколения киборг-мама опять готов скакать, носиться и решать...

Post scriptum.

Да-да, Мама тоже иногда читает фантастику.

Будучи три раза сыночкиной мамой, ей приходится соответствовать.

Из почтового

Есть Маминой в стране такая тема – отсылать в преддверии местного Нового года родным и друзьям посылочки, бандерольки или просто открыточки с поздравлениями.

Да-да, те самые, незаслуженно забытые в дальний угол электронными прототипами, красивые, разрисованные, бумажные и в конвертиках.

Маме тоже надо было послать пять бандеролек, потому зашла она на почту прикупить для запаковывания своего подарочного добра коробочек и конвертиков.

На почте в такое, совсем не ранее время и в этот период года обычно толпа народа присутствует.

Кто-то получает уже свои бандерольки.

Кто-то только отправляет.

А кто-то, как Мама, только к этому мероприятию готовится.

Впереди Мама стояла семейная пара с двумя большими коробками, набитыми бандерольками(!).

Видимо, друзей-родственников у них даже очень много. Но и тут ничего удивительного – большие семьи для Маминой страны не редкость.

Когда наступило их звездное время «Ч», вся очередь считала вместе с ними все пятьдесят семь упаковок и потихоньку по-доброму подкалывала.

Разброс адресатов поражал.

Начиная с Хорватии и Австрии и заканчивая Австралией.

Кто-то даже спросил: «Почему нет в Южную Африку? Не доработано, однако!»

Почтальон, принимавший все это «счастье», чуть не сбился с ног, пока все обклеил марками-наклейками и растасовал по местам.

Мама же тоже посмеивалась, а еще думала, что хорошо иметь столько близких людей.

Прошла неделя, и уже Мама с гордостью потащила на почту свои бандерольки.

Там она застала ту же картину. Прямо-таки дежавю.

Очередь-посылки-бандерольки-письма и... та же семейная пара с забитой под завязку коробкой.

Так сказать, охватили не охватываемое в два захода.

В этот раз в адресатах присутствовала и Южная Африка.

Из кровавого

Много-много лет назад стояла Мама на продуваемом всеми ветрами углу собственного дома (еще живя на малой родине) и ждала со школьной развозки своего, тогда еще пятилетнего, Старшенького.

Старшенький, можно сказать, старшеньким тогда и не был, а был еще просто Единственным.

Развозка приехала, Старшенький вывалился из теплого нутра автобуса в снежный сугроб, чему был безмерно рад, судя по расплывшейся в довольной улыбке мордахе.

А вот потом...

Дорога в пять минут ходьбы до квартиры показалась для Мама вечностью.

И всему виной был восторженно-ужасающий рассказ собственного детеныша.

Сначала он во всех красках вещал о том, как мальчик из его класса треснул его по башке шахматной доской.

Мама представила, как здоровенная деревянная бандурина с острыми углами и железной застежкой (прямо, как в ее детстве) опускается на голову ее сына, и стала рукой искать у себя сердце.

Ускорившись так, что ребяенок тряпочкой мотылялся позади нее, держась за руку, Мама летела домой с удвоенной скоростью.

За оставшееся время – подъезд, лестница до пятого этажа и скрежет проворачиваемого ключа в замке – сынуля поведал, как у него бежала рекой кровь и ему перевязывали голову.

К сожалению, из-под зимней шапки-ушанки Мама ничего не смогла разглядеть.

Но явственно себе представляла на голове у сына под шапкой «шлем» из бинта, как это часто показывали в старых фильмах о войне.

Домой они долетели на две минуты быстрее.

Мама трясушимися, ледяными лапками начала развязывать детенышу шапку, при этом ногой пытаясь нашарить место, куда будет падать, если ноги не удержат от увиденной картины.

В голове уже выстроилась целая гневная тирада для преподавателя, выразившая все мамино возмущение травмой ребенка.

Глаза же рыскали в поисках телефонной книжки, чтобы вызвонить знакомого травматолога, педиатра, хирурга и отвезти кровинушку на осмотр.

И вот шапка уже развязалась и начинает медленно сползать.

Под подбородком бинтовых завязок не обнаружилось.

И Мама решила, что – то ли бинта не хватило, то ли шлем настолько плотно намотали (а что, голова – не горло, если пережмешь немного – никто не задохнется), что завязок и не нужно.

Когда шапка снялась, Мама все же упала на стул.

Она схватила сынулину голову, покрутила ею в разные стороны, а потом слабым голосом все же спросила:

– Ну и где?

– Да вот же, мам, видишь? – тычет пальцем в небольшую царапину, разгребая густую челку.

– Вижу, – бормочет Мама, думая о том, что все же стоит выпить успокоительное и что-то от сердца, ага.

Из базарно-предпраздничного

- Ты гранат брать будешь?
- Пока нет.
- А чего нет?
- Думаю.
- Слушай, женщина, что тут думать? Бери гранат, я тебе говорю.
- Не-а, я еще там посмотрю.
- Что там смотреть?! Смотри, какой красный, сочный, слаще щечек ребенка.
- А у того такой же, но дешевле.
- Где дешевле?! – на Маму секунду смотрят до глубины души возмущенные большие черные глаза и тут же меняют в них выражение на хитрющее.
- Белоснежная улыбка на смуглом лице практически слепит:
- А я тебе инжиру со скидкой отвешу.
- Нужен мне твой инжир, – недовольно бубнит Мама, – у меня его все равно никто не ест.
- Как не ест?! – такое «непотребство» вызывает у вопрошающего бурю эмоций, и владелец глаз и щетинистой улыбки вскакивает на ноги. – Женщина, ты чему детей учишь?! Новая волна возмущения практически была осязаема.
- Так не ест, их проверять на отсутствие жуков-червяков замахнешься.
- Что ты такое говоришь, какие жуки-червяки? – обида на все небритое лицо. – Ни одного нет. Я тебе, как есть, говорю.
- А проверять все равно придется, – все так же бурчала Мама, – ... мне. Ты мне лучше со скидкой финики отвесь.
- Не-е-е, – улыбка вновь слепит белизной, и Маме думается, что лучше попросить телефон стоматолога для белизны зубов или нарисовать дорожку на тот пляж, где так хорошо загореть можно, – смотри, какие они, желтые, большие, мягкие-е-е – лучшие на всем этом рынке – песня, а не финики. Попробуешь, сразу захочешь петь.
- «Какими порами удобряли те пальмы? – теперь уже о другом думала Мама. – Финики – не грибы, после них обычно не поется, а одно место от сладости слипается».
- Баранья голова-а-а! – доносилось со стороны мясной павильона. – Готовые половинки-и-и!
- «Видели мы те половинки. С не выколупанными глазами. Вот варишь ты ее в кастрюле. Открываешь, а там – глаза на тебя смотрят. Наверное, так и тянет в этот момент сказать: «Кто там?» Нет уж, мы уже рыбки купили, – шла Мама дальше, высматривая, все ли купила. – Рыба, головы, финики, гранаты, яблоки и меда, да виноградного сока не забыть, фасольки с изюмом и там морковки набрать, и еще...»
- Мама неслась на всех парах.
- Ну, насколько ей давали такую возможность движущиеся в разные стороны реки покупателей.
- Подальше, подальше от соблазнительных запахов булочек, самсы и бурекаса из открытой настежь пекарни.
- В правом полушарии мозга уже зрел план, куда дальше надо ломануться, чтобы все успеть и прикупить.
- Левое пыталось выдать на-гора рецепт медового лекаха и сопоставить список ингредиентов со списком уже купленного.
- Домой мама приплелась убитая, но довольная...
- Отвоевав себе у закупочного ужаса два дня неспешной готовки вместо одного авраль-ного.

Из прогрессивного

Папа, чтобы та не пачкала пальчики гранатовым соком, подарил Маме Штучку. Штучка была красная в красивой коробочке, но немного непонятная Маме. Ну как? Как может пластиковая Штучка успешно бороться с твердой гранатовой кожурой?

Но ведь подарок! Да, Папин!

Папа вообще прогрессист в отличие от кухонно-консервативной Мамы.

Просто так от него не отплюешься.

От подарка, не от Папы.

Штучка делилась на три части: глубокую красную мисочку, крупноячеистую того же цвета решеточку и большой резиновый алый колпак.

В очередной раз посмотрев на коробочку, где к словесному описанию последовательности действий, еще и фотографии прилагались...

Как раз для особо «сообразительных» в этом плане...

Ну, почти как она, Мама.

Мама и принялась за дело.

Вставила в мисочку решеточку.

Разрезала поперек гранат на две равные части.

Положила одну его половинку на решетку разрезом вниз.

Накрыла сверху резиновым колпаком.

И полезла в кухонный ящик доставать ложечку, с точностью следуя фотоинструкции.

– Ну, и что ты делаешь? – решил проявить себя, до этого молча наблюдавший за маминими действиями, Старшенький.

– Так тут же написано ложечкой бить по резиновой фиговке, – растерянно пробормотала Мама.

– Тяжелой же, – попытался сделать внушение Старшенький.

Мама посмотрела на простую столовую ложку из нержавеющей стали.

Решила, что немного не права, и полезла в другой шкаф.

Доставать тяжелую.

Ту самую, почти столетнюю, передававшуюся по наследству со всем набором посеребренных столовых приборов, привезенным Маминим дедушкой еще со Второй мировой, как трофеем.

Уже подготовившись бить семейной реликвией по алой резине, опять услышала восклицание сына.

Восклицание было невнятное, но тоном подразумевалось не шибко лестные мысли Старшенького о Маминой прогрессивной жилке.

Дальше не тратя время на слова, Старшенький просто отодвинул Маму от столешницы и алого «агрегата» на ней.

Достал из ящика деревянный молоток для отбивания мяса и начал усердно колотить им по центру резиновой шляпки.

Это оказалось действительно быстро.

Правда, Маме потом все равно пришлось запачкать пальчики, перебирая зерна и выгребая оттуда кусочки тонких, перепончатых желтоватых мембранок.

Все время перебирания, вспоминая, с каким упоением Старшенький орудовал молотком, у Мамы в голове произносился кривлятельный монолог:

«Прогре-е-е-с-с-с, понимаешь ли!

Недоработано у них, не-до-ра-бо-та-но...

Хоть бы в комплект засунули молоток с твердой резиновой насадкой вместо железной!
Мда...

Идею, что ли, запатентовать, а потом заключить с фирмой-производителем договор и продавать совместно, как усовершенствованный вариант?»

В голове у Мамы идеи превращались в золотые пиастры и блестящими столбиками строились сначала на столе, потом (когда там не осталось места) на всех остальных поверхностях кухни, умножая Мамино мнимое состояние на глазах.

Из застольного

«Три дня подряд жрать – тяжело», – решила Мама.
И приняла приглашение на второй вечер застолья.
От родителей одного из друзей Старшенского.
Знакомые были правильные.
Радеющие за здоровое питание и умеренное воздержание.
Нет, может, когда-то они и были другими.
В глубоком детстве.
Когда приехали из Одессы в Австралию с родителями.
Но теперь...
В общем...
Как раз, как Маме надо.
Рассчитывавшей на травянисто-оздоровительное застолье.
Маме подумалось, что ее семейство вряд ли вынесет такое издевательство днем.
Потому дружно сговорились за вечер.
И вот все вместе сидят, разговаривают и клюют «траву» в тарелках.
Время идет.
«Трава» жуется.
Дети балкон по камушку раскатывают потихоньку.
Разговор у взрослых меж тем неспешно тянется.
«Австралийцам» интересно все о далекой и почти забытой исторической родине.
Маме же – когда ее гоп-компания взвоят и запросится домой.
Вечер неспешно шел и, судя по всему, не спешил заканчиваться.
«Взвыла» компания нескоро.
Так что травы все могли наесться вдоволь, с запасом, так сказать.
И с полными животами «силоса» поскакать домой.
На встречу уже к своей завтрашней, дневной оздоровительно-майонезной «диете».

Из экстремального

Мама всю копошилась на кухне.

Большой живот, в котором на тот момент обитался Средненький, делал Маму совершенно неповоротливой.

В условиях маленькой кухоньки тогдашней съемной квартиры сие было поистине проблематично.

Семилетний Старшенький тихо шебуршал у себя в комнате.

Папа все еще был на работе.

У Мамы была радость – первая неделя из предродового декрета.

В общем, на подъеме настроения Мама чистила-крошила-готовила.

Неожиданно в дверном проеме в кухню показался Старшенький.

Вел он себя подозрительно.

Смотрел на Маму виновато.

Чихал.

И иногда дергал головой, как пес, унюхавший что-то не то и пытающийся чихнуть.

И тут Мама увидела ЭТО.

Под носом у Старшенького, над губой, были ржаво-коричневые засохшие пятна.

Первой мыслью было: «Это что же туда надо было засунуть, чтоб кровить начало?»

Второй: «Почему так долго молчал, если кровь уже успела не только свернуться, но и засохнуть?»

Старшенький был вмиг усажен на кухонный уголок.

Молчащий, как партизан, ребенок совершенно не хотел сдаваться на мамином допросе.

Все так же продолжая дергать головой и пытаться прочихаться.

Мама тихо, но верно впадала в панику, собираясь звонить всем.

«Скорой помощи», папе, знакомому педиатру и даже своему гинекологу.

Вдруг, что дельное посоветует.

Или кого.

Старшенький сдался только через десять минут и под угрозой вызова «Скорой».

Совершенно спокойный до того, ни разу не замеченный в опасных шалостях и экспериментах, ребенок.

Решил попробовать, каково это нюхнуть щепотку понюшки.

У Папы был шикарный нюхательный табак с запахом вишни.

Лежал он в красивенькой круглой коробочке.

И доставался папой только по субботам для замены обычных сигарет.

Каждый раз, в период торжественного доставания, табак Папа расхваливал, друзей угощал и просвещал о том, какие еще полезные добавочки там есть.

От сердца у мамы отлегло и даже немного порадовало – Старшенький, после того как прочихался и начал ясно изъясняться, поклялся даже сигареты в руки не брать, когда вырастет.

Причем совершенно добровольно.

Прошла неделя.

Мама опять на кухне.

Готовка в самом разгаре.

Живот все еще на месте.

Дверной проем и Старшенький в нем тоже.

В этот раз совершенно спокойно сообщающий, что «совершенно случайно» проглотил магнит, для чего-то выковырянный из одной шахматной фигурки.

Мама, успокоившись размерами магнетика, уже не хваталась за сердце.

Просто позвонила Папе и попросила купить в аптеке слабительное для сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.